

Карен Дионне

Дочь болотного царя

Роджеру. За все

Плоды успеха одного возможны лишь за счет падения другого. Новое поколение расцветает, когда увядает предыдущее. Наши потомки станут нам самыми опасными врагами, и мы к этому совершенно не готовы. Они не только переживут нас, но и вырвут власть из наших ослабевших рук.

Карл Густав Юнг

Из своего гнезда на высокой крыше замка викингов аист видел маленькое озеро и ольховый пенек, торчащий в зарослях камышей на зеленой отмели. На нем сидели три лебедя и хлопали крыльями, оглядываясь по сторонам. Но вот один из них сбросил оперение, и аист увидел принцессу Египта. Она присела прямо там, нагая, укрытая лишь своими длинными черными волосами. Аист слышал, как она велела двум лебедям присмотреть за ее оперением, а затем погрузилась в воду, чтобы сорвать цветы, которые ей там почудились.

Лебеди кивнули, а затем подхватили ее оперение и поднялись в воздух.

— Ныряй! — громко приказали они. — Не летать тебе больше в лебедином оперении, не увидеть больше Египта! Здесь, на болоте, ты останешься навеки!

И, сказав это, они разорвали оперение на тысячу частей. Перья опали, точно снег, а затем лживые принцессы улетели прочь.

Принцесса плакала и сокрушалась. Ее слезы капали на старый ольховый пень, который на самом деле был вовсе не пнем, а болотным царем, жившим и правившим в болотных землях. Пень обернулся к ней, преобразившись. Из него показались две влажные ветви, похожие на руки.

Бедное дитя испугалось и бросилось наутек. Принцесса пыталась пересечь зеленую вязкую трясины, но провалилась, и ольховый пень тут же погрузился следом за ней. Огромные черные пузыри вздулись на покрытой тиной поверхности, а принцессы и след простыл.

Ганс Христиан Андерсен. Дочь болотного царя

Хелена

Если я назову имя своей матери, вы его сразу же узнаете. Она стала знаменитостью, хотя и не желала этого. Это была не та слава, о которой

можно мечтать, — как у Джейси Дюгард, Аманды Берри и Элизабет Сمارт¹. Но мою маму зовут иначе.

Вы сразу узнаете ее имя, если я его назову, а затем призадумаетесь, пусть и ненадолго. Ведь то время, когда людей волновала судьба моей матери, давно миновало— где же она теперь? Это правда, что у нее родилась дочь, пока она пропадала неизвестно где? И что же случилось с этой малышкой?

Я могла бы рассказать о том, что мне было двенадцать, а моей матери— двадцать восемь лет, когда мы спаслись из заточения, в котором нас держал человек, похитивший ее. Я провела все эти годы в месте, которое газеты описывали впоследствии как обветшалую ферму, лежащую среди болота в самом сердце Верхнего полуострова штата Мичиган². Я научилась читать благодаря подшивке журнала «Нэшнл географик» за

¹ Джейси Ли Дюгард, Аманда Берри и Элизабет Сمارт были похищены психически неуравновешенными людьми и долгое время удерживались в заточении. (*Примеч. ред.*)

² Верхний полуостров— северная часть штата Мичиган, отделенная от южной части озерами Мичиган и Гурон и соединяющим их проливом Макино. (*Примеч. ред.*)

пятидесятые годы и пожелтевшему томику стихов Роберта Фроста³, никогда не ходила в школу, не ездила на велосипеде и знать не знала ни об электричестве, ни о водопроводе. В течение двенадцати лет я не разговаривала ни с кем, кроме своих родителей. И я понятия не имела о том, что мы с мамой пленницы, пока нас не освободили.

Еще я могла бы рассказать о том, что мама умерла два года назад. О ее смерти упоминалось в прессе, пусть и довольно скупо, но вы, скорее всего, пропустили эту информацию, потому что она скончалась в то время, когда в новостях говорили о куда более важных вещах. Я могу рассказать, о чем умолчали газеты: о том, что моя мама так и не оправилась после долгих лет, проведенных в плену. Она не была искренним, красноречивым и харизматичным борцом за правое дело. О моей скромной, робкой и надломленной маме, всегда предпочитавшей держаться в тени, не написали книг, ее лицо не появилось на обложке «Тайм». Потому что под пристальным вниманием она

³ Роберт Ли Фрост (1874–1963) — один из крупнейших поэтов в истории США, четырежды лауреат Пулитцеровской премии. (*Примеч. ред.*)

съеживалась, как прихваченный морозом листок аррорута⁴.

Но все же я не назову ее имени. Потому что это не ее история.

А моя.

1

— Жди здесь, — говорю я своей трехлетней дочке. Лезу в окно грузовика и пытаюсь протиснуться между ее детским сиденьем и пассажирской дверью, чтобы достать пластиковый непроливаемый стаканчик с теплым апельсиновым соком, который она выбросила в порыве недовольства. — Мамочка сейчас вернется.

Мэри тянется к стаканчику. Она похожа на щенка собаки Павлова. Нижняя губка оттопырена, в глазах стоят слезы. Я все понимаю. Она устала. Но и я тоже.

— Уху-уху-уху! — хнычет Мэри, когда я отхожу в сторону. Она выгибает спинку и растягивает ремень безопасности так, словно это ремень смирительной рубашки.

⁴ Аррорут— тропическое растение, произрастающее в Америке, из корневищ, клубней и плодов которого получают крахмал. (*Примеч. ред.*)

— Оставайся на месте. Я скоро вернусь! — говорю я, прищуриваюсь и поднимаю вверх указательный палец, чтобы она поняла: я не шучу.

Затем я иду к багажнику, машу рукой мальчику, который складывает грузы у задних ворот «Маркхэмса» (кажется, его зовут Джейсон), открываю дверцу и достаю первые две из множества своих коробок.

— Здравсьте, миссис Пеллетье! — Джейсон машет в ответ на мое приветствие с удвоенным энтузиазмом. Я поднимаю ладонь еще раз, и мы в расчете. Устала повторять ему, чтобы звал меня Хеленой.

Из грузовика внезапно доносится: «Бам-бам-бам!»

Это Мэри стучит стаканчиком из-под сока по оконной раме. Похоже, стаканчик уже пуст. Я в ответ хлопаю ладонью по кузову: «Бам-бам-бам!»

Мэри резко вздрагивает и оборачивается, взмахнув нежными волосиками, похожими на золотистые волокна кукурузы. Я бросаю на нее свой самый сердитый взгляд, означающий «Лучше тебе этого не делать», а затем прижимаю коробки к плечу. У нас со Стивеном темные волосы и карие глаза, так что он долго изумлялся, как это мы ухитрились произвести на свет такого уникального «золотого» ребенка, пока я не сказала ему, что моя мать была блондинкой. Это все, что он о ней знает.

«Маркхэмс» — предпоследний из четырех магазинов, куда я доставляю свои варенья и желе, и основное место их продажи, не считая заказов по интернету. Туристам, которые делают покупки в «Маркхэмсе», нравится, что все продукты здесь местного производства. Мне говорили, что многие из них берут сразу несколько моих баночек, чтобы отвезти домой в качестве сувениров. Бумажные крышки я обвязываю такой же бечевкой, какой пользуются мясники, и раскрашиваю их в соответствии с содержимым: красным, если это варенье из малины, пурпурным — если из бузины, голубым — если из черники, зеленым — если это желе из болотного рогоза и черники, желтым — если это джем из одуванчиков, розовым — если он из диких яблок и черемухи. В общем, понятно. Как по мне, этикетки — это глупо, но людям, похоже, нравится. А если уж вы стремитесь к чему-то похожему на более-менее пристойную жизнь в таком бедном районе, как Верхний полуостров, то приходится давать людям то, чего они хотят. Это не такая уж сложная наука.

Есть немало других «натуральных» продуктов, из которых я могла бы что-нибудь готовить, но пока остановилась на вареньях и желе. Любому бизнесу необходимо направление. Мой фирменный знак — это болотный рогоз, который я рисую на каждой этикетке. Уверена, я —

единственный в мире человек, который делает желе из черники с корнем болотного рогоза. Но я не кладу его слишком много. Ровно столько, сколько нужно, чтобы оправдать наличие слов «болотный рогоз» в названии. В детстве побеги молодого рогоза были моим самым любимым лакомством. Я и сейчас их люблю. Каждую весну я забрасываю в багажник своего пикапа резиновые сапоги и плетеную корзину и устремляюсь на болото к югу от нашего дома. Стивен и девочки к этим побегам и не притрагиваются, но муж не возражает против того, чтобы я их ела и возилась с ними, сколько понадобится, чтобы их приготовить. Всего несколько минут в кипящей соленой воде— и рогоз превращается в превосходную закуску! Структура у него суховатая и мучнистая, поэтому я всегда ем его с маслом, хотя в детстве я, конечно же, масла даже не пробовала.

Чернику я собираю на лесных вырубках к югу от нашего дома. Некоторые годы бывают урожайнее остальных. Черника любит свет и тепло. Бывало, индейцы специально поджигали подлесок, чтобы повысить урожайность. Надо признать, для меня это искушение. Но я не единственный человек, который бродит по округе в черничный сезон, поэтому область близ старой лесовозной дороги обчищают очень быстро. Я часто схожу с проторенной тропинки и никогда не теряюсь.

Однажды я забрела в такую глушь, что меня заметили и окликнули с вертолета ДПР⁵. После того как я убедила офицеров, что прекрасно знаю, где нахожусь и что делаю, они оставили меня в покое.

— Жарковато, да? — спрашивает Джейсон, наклоняясь ко мне и забирая одну из коробок, которые я прижимаю к плечу.

Я согласно мычу в ответ. Было время, когда я понятия не имела, как ответить на такой вопрос. Мое мнение о погоде на нее никак не повлияет, так какая разница, что я о ней думаю? Но теперь я знаю, что отвечать не нужно, что это просто пример «болтовни», как выражается Стивен, беседы ради беседы, заполнения тишины, и слова не имеют особой важности. Таким образом общаются между собой люди, которые не очень хорошо знакомы. Джейсон смеется так, словно я выдала шутку дня, что, по мнению Стивена, тоже неплохо, и не важно, что я не сказала ничего забавного. После того как я ушла с болота, мне было очень сложно соблюдать общепринятые нормы. Пожимай руки при встрече. Не ковыряй в носу. Жди своей очереди. Поднимай руку в классе и жди, пока учитель к тебе обратится,

⁵ ДПР— департамент природных ресурсов. (Здесь и далее примеч. перев., если не указано иное.)

прежде чем задать вопрос. Не рыгай и не пукай в присутствии других людей. Когда приходишь к кому-то в гости, спрашивай разрешения, прежде чем сходить в туалет. Мой руки и смывай после себя. И говорить не хочу, как часто мне казалось, что все, кроме меня, знают, как правильно себя вести. Кто вообще придумывает эти правила? Почему я должна им следовать? И что будет, если я этого делать не стану?

Я кладу вторую коробку на погрузочную площадку и иду к грузовику за третьей. В течение июня, июля и августа я должна каждые две недели доставлять в магазин три коробки, каждая из которых содержит двадцать четыре банки, то есть всего семьдесят две. Моя прибыль с каждой коробки составляет пятьдесят девять долларов восемьдесят восемь центов, а это означает, что за лето благодаря одному только «Маркхэмсу» я зарабатываю больше тысячи долларов. Не так уж плохо.

Я знаю, что подумают люди, если узнают, что я отправилась таскать коробки, оставив Мэри одну в грузовике. Да еще и с открытыми окнами! Но я не вижу смысла их закрывать. Я припарковалась под сосной, с залива дует теплый ветерок, а температура весь день держится выше

восьмидесяти градусов ^б. А мне известно, как быстро запертая машина может превратиться в духовку.

Еще мне известно, что если кто-то захочет, то сможет с легкостью забраться в открытое окно и утащить Мэри. Вот только я еще много лет назад решила, что не буду растить своих дочерей, дрожа от страха, что с ними случится то же самое, что и с моей мамой.

Еще одно слово, и покончим с этим. Уверена: если кто-то недоволен тем, как я воспитываю дочерей, значит, он просто никогда не жил на Верхнем полуострове в штате Мичиган. Вот и все.

Когда я возвращаюсь к пикапу, Мэри Мастерницы Побегов уже нет в кресле. Подхожу к пассажирскому окну и заглядываю внутрь. Она устроилась на полу и жует целлофановый фантик из-под конфеты, который нашла под сиденьем, жует, словно это жвачка. Я открываю дверь, выуживаю фантик у нее изо рта и засовываю в карман, после чего вытираю пальцы о джинсы, снова усаживаю дочь в кресло и пристегиваю ее. В окно влетает бабочка и садится на какое-то липкое пятно на приборной доске. Мэри хлопает в ладоши и смеется. Я улыбаюсь. Перед этим невозможно

^б По Фаренгейту. Приблизительно равняется 30 °С.

устоять. Мэри хохочет очень заразительно, во весь рот, и так естественно— мне никогда не надоедает это слушать. Видели эти ролики на «Ютьюбе», на которых малыши хохочут над всякой ерундой, — над скачущими собаками или над тем, как кто-то рвет бумагу на кусочки? Мэри смеется именно так. Она похожа на газировку, яркий солнечный свет и криканье каролинских уток одновременно.

Я прогоняю бабочку и переставляю передачу. Автобус должен привезти Айрис домой в четыре сорок пять. Обычно Стивен приглядывает за девочками, пока я развожу доставку, но сегодня его не будет допоздна. Он проводит презентацию новой коллекции снимков маяка для владельца галереи, который продает его фотографии в Су-Сент-Мари (произносится «Су», а не «Соль»), как привыкли говорить люди, которые не могут придумать ничего получше), втором по величине городе на Верхнем полуострове, что вряд ли о многом вам говорит. Соседний со стороны Канады город намного больше. Местные жители с обоих берегов реки Сент-Мари называют свой город «Су». Возможно, вы слышали об этом или посещали знаменитую пристань Су и видели, как по реке проходит гигантский грузовой корабль. Там всегда полно туристов.

Я доставляю последнюю партию джемов-ассорти в «Агат Гитчи-Гюми» и

сувенирный магазинчик местного Музея истории, а затем еду к озеру в парке. Как только Мэри видит воду, она начинает хлопать в ладоши:

— Ва-ва! Ва-ва!

И да, я в курсе, что в ее возрасте пора бы уже изъясняться полными предложениями. В прошлом году мы раз в месяц возили ее к специалисту по развитию из Маркетта, но пока что это ее лучший результат.

Весь следующий час мы проводим на пляже. Мэри сидит рядом со мной на теплой гальке и жует палочку, которую я сполоснула в воде, потому что у нее режется зуб и от этого ей становится легче. Воздух горячий и неподвижный, озеро спокойное, волны в нем плещутся нежно, точно вода в ванной. Потом мы сбрасываем сандалии, заходим в воду и брызгаемся, чтобы немного охладиться. Верхнее озеро— самое большое и глубокое из всех Великих озер, поэтому вода в нем никогда не нагревается. Да и кому бы этого захотелось в такой день, как сегодня?

Я лежу, опираясь на локти. Камни теплые. Сегодня так жарко, и трудно поверить, что всего пару недель назад, когда мы со Стивеном привезли девочек сюда же, чтобы посмотреть на метеоритный дождь Персеид, нам понадобились куртки и спальные мешки. Когда я засунула их в багажник его «чероки», Стивен сказал, что это

слишком, но он, конечно же, просто не представлял, как холодно бывает у воды после захода солнца. Мы вчетвером втиснулись в двойной спальный мешок и лежали на песке, глядя в небо. Айрис насчитала двадцать три упавшие звезды и на каждую загадала желание. Мэри проспала большую часть события. Через пару недель мы снова сюда вернемся— любоваться северным сиянием.

Я сажусь и смотрю на часы. Мне все еще сложно успевать куда-то вовремя. Когда человек растет на природе, как, например, я, природа сама говорит ему, что делать и когда. Ни у кого из нас не было часов. Мы в них просто не нуждались. Мы были связаны с окружающим миром, как птицы, насекомые и животные, и подчинялись тем же биоритмам. Все мои воспоминания привязаны к тем или иным сезонам. Я не могу уверенно утверждать, сколько лет мне было, когда случилось то или иное событие, но зато точно помню, какое тогда было время года.

Теперь я знаю, что для большинства людей календарный год начинается первого января. Но на болоте не было границы, отделявшей январь от декабря, февраля или марта. Наш год начинался весной, в тот день, когда на болоте зацветали калужницы. Болотные калужницы— это огромные кусты по два с лишним фута в диаметре, усыпанные сотнями ярко-желтых цветов. Весной на болоте

распускаются и другие цветы, например голубые ирисы и пушистые головки травы, но калужницы цветут очень пышно, и ничто не может сравниться с этим изумительным ярко-желтым ковром. Каждый год мой отец натягивал сапоги, выходил на болото и выкапывал один такой куст, чтобы затем поставить его в старую цинковую ванну на крыльце, наполовину заполненную водой, где этот куст пылал так ярко, что казалось, будто отец добыл нам солнце.

Мне всегда хотелось, чтобы меня звали Мэриголд— так называют у нас калужницу. Даже имя Мэри звучит лучше моего. Но меня называли Хеленой, и мне часто приходится объяснять, что мое имя произносится как ХЕ-ЛЕ-НА. Как и многое другое, его выбрал отец.

Судя по цвету неба, уже вечереет, так что нам пора уходить. Я проверяю время и, к своему ужасу, вижу, что мои внутренние часы отстают. Подхватываю Мэри, нашу обувь и бегу обратно к грузовику. Мэри недовольно кричит, когда я пристегиваю ее к сиденью. Я ее не виню. Мне бы тоже хотелось задержаться там подольше. Часы на приборной панели показывают тридцать семь минут пятого. Я могу успеть. Если бы только успеть...

Срываюсь с парковочного места и мчусь на юг по трассе М-77 с максимальной скоростью. В

округе не так уж много полицейских, но местным офицерам все равно больше нечем себя занять, кроме как выписывать штрафы всяким лихачам. Вот это ирония! Я спешу, потому что опаздываю. Но если меня остановят за это, я опоздаю еще больше.

По пути Мэри впадает в настоящую истерику. Она дрыгает ногами, и песок клубится по салону, стаканчик из-под сока летит в лобовое стекло и отскакивает от него, из носа у нее текут сопли. Мисс Мэриголд Пеллетье— определенно не самый счастливый путешественник в мире. Не больше, чем я сама в данный момент.

Я настраиваю радио на волну общественной станции университета Северного Мичигана в Маркетте в надежде, что музыка ее успокоит или хотя бы заглушит ее вопли. Я не фанат классики, но это— единственная станция, которая звучит здесь четко.

Однако вместо музыки я неожиданно ловлю выпуск новостей: «...сбежавший заключенный... похититель детей... Маркетт...»

— Тихо! — шикаю я на Мэри и делаю звук громче.

«Национальный заповедник дикой природы в Сени... вооружен и опасен... не приближаться...»— все, что мне удастся понять.

Мне нужно это услышать. Заповедник менее чем в тридцати милях от нашего дома.

— Мэри, тихо!

Мэри резко замолкает. Я редко на нее кричу. К счастью, сообщение повторяется.

Повторяем: полиция штата заявляет, что заключенный, отбывавший пожизненный срок без права апелляции за похищение ребенка и убийство, сбежал из тюрьмы строгого режима в Маркетте, штат Мичиган. По нашим сведениям, заключенный убил двух полисменов во время транспортировки в тюрьму и скрылся в Национальном заповеднике дикой природы Сени к югу от трассы М-28. Ставим в известность слушателей, что заключенный вооружен и очень опасен. НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ, повторяем, НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ. Если вы заметите нечто подозрительное— немедленно вызывайте правоохранительные органы. Заключенный Джейкоб Холбрук был осужден за похищение молодой девушки, которую впоследствии держал в плену в течение четырнадцати лет,— этот печально известный случай привлек внимание общественности...

Сердце замирает. Я ничего не вижу. Не могу дышать. Не слышу ничего, кроме шума крови, пульсирующей в ушах. Я сбавляю скорость и осторожно останавливаюсь на обочине. Тянусь выключить радио— моя рука трясется.

Джейкоб Холбрук сбежал из тюрьмы.
Болотный Царь. Мой отец.

А я— именно тот человек, который упек его за решетку.

2

Я выруливаю на дорогу, разбрызгивая гравий. Сомневаюсь, что этот участок трассы кто-то патрулирует, учитывая, что сейчас происходит в тридцати милях к югу, но даже если и патрулирует, штраф за превышение скорости будет меньшей из моих проблем. Мне нужно добраться домой. Мне нужно, чтобы обе мои девочки очутились в поле моего зрения, чтобы я знала: они со мной, они в безопасности. Если верить новостям, отец сейчас движется в противоположном направлении, прочь от моего дома— в сторону заповедника. И только мне известно, что это не так. Джейкоб Холбрук, которого я знала, никогда не повел бы себя так предсказуемо. Готова поспорить на любые деньги, что через пару миль полицейские потеряют его след, если уже не потеряли. Отец может передвигаться по болоту совершенно незаметно, точно призрак. И он не оставит следов, пока сам не захочет, чтобы кто-то их нашел. Если люди, идущие за ним, подумают, будто он прячется в заповеднике, они не станут искать его на болоте.

Я крепче сжимаю руль. Представляю, как отец скрывается за деревьями, в то время как Айрис выходит из автобуса и шагает к подъездной дорожке, и вжимаю педаль в пол. Так и вижу, как он выскакивает из засады и хватается ее в тот момент, когда автобус отъезжает, точно так же, как он выскакивал из зарослей, чтобы напугать меня, когда я выходила из туалета. В моем страхе нет логики. Если верить новостям, отец совершил побег в промежутке между четырьмя часами и четвертью пятого, а сейчас без пятнадцати пять. Он не смог бы пройти пешком тридцать миль за полчаса. Но от этого страх все равно никуда не девается. Мы с отцом не общались пятнадцать лет. Возможно, он даже не знает о том, что я сменила фамилию, как только мне исполнилось восемнадцать, поскольку больше не могла выносить то, какой популярной стала лишь потому, что росла вдали от цивилизации. Он не знает о том, что его собственные родители умерли восемь лет назад и передали мне его наследство. Или о том, что я использовала львиную долю этого наследства, чтобы сравнять с землей дом, где он вырос, и возвести на его месте новый, в два раза больше. Или о том, что теперь я живу в нем вместе с мужем и двумя маленькими дочками. Его внуками.

Но, возможно, он знает об этом. Теперь возможно все. Потому что сегодня отец сбежал из тюрьмы.

Я опоздала всего на минуту. Уж точно не больше, чем на две. Я пристраиваюсь за автобусом Айрис. Мэри все еще визжит. Она уже довела себя до такого состояния, что и не помнит, почему расстроилась. Я не могу обогнать автобус, потому что впереди знак «Стоп» и горит красный свет. И не важно, что моя машина— единственная на трассе, а в автобусе везут мою дочь. Как будто я могу ненароком переехать собственного ребенка.

Айрис выходит из автобуса. Судя по тому, с каким понурым видом она шагает по пустой подъездной дорожке, она явно думает, что я снова забыла вовремя вернуться домой.

— Смотри, Мэри. — Я показываю в окно. — Это наш дом. А вон Сисси. Ш-ш. Мы почти дома.

Мэри смотрит, куда я показываю, видит сестру и замолкает. Икает. А затем улыбается.

— Айрис!

Не А-А, не Ай-сис, не Сисси и даже не Ай-вис, но Айрис, четко и ясно. Гляди-ка!

В конце концов водитель автобуса решает, что, раз Айрис уже отошла от дороги, можно погасить предупреждающие фары. Дверь с шипением закрывается. Как только автобус трогается с места, я разворачиваюсь и въезжаю на

парковку. Плечи Айрис выпрямляются. Она сияет и машет мне. Мамочка снова дома, а значит, мир пришел в норму. Хотелось бы и мне сказать то же самое.

Я выключаю двигатель и иду к пассажирскому сиденью, чтобы застегнуть сандалии Мэри. Как только ее ножки касаются земли, она сразу же бежит во двор.

— Мамуля! — Айрис подбегает и обнимает меня за ноги. — Я думала, тебя нет!

Это звучит не как обвинение, а просто как констатация факта. И я уже не в первый раз огорчаю свою дочь. Хотелось бы мне сказать, что в последний.

— Все хорошо. Мама рядом.

Я сжимаю ее плечико и легонько треплю по волосам. Стивен все время повторяет, что мне нужно чаще обнимать дочерей, но физический контакт все еще остается для меня проблемой. Психотерапевт, которого прикрепили ко мне после того, как нас с мамой освободили, говорил, что у меня проблемы с доверием, и заставлял выполнять разные упражнения, вроде тех, когда нужно закрыть глаза, скрестить руки на груди и упасть назад, рассчитывая только на ее обещание меня поймать. Когда я отказывалась, она говорила, что я настроена слишком враждебно. Но на самом деле у

меня не было проблем с доверием. Я просто считала все эти упражнения ужасно глупыми.

Айрис отпускает меня и вслед за сестрой бежит в дом. Дом не заперт. Мы никогда его не запираем. Южане, обладатели больших летних особняков на утесе, чьи окна смотрят на залив, всегда тщательно запирают двери и задергивают шторы, но мы не особенно из-за этого переживаем. Думаю, если перед грабителями встанет выбор между пустым особняком на отшибе, набитым дорогой электроникой, и одноэтажным домом у дороги, ясно, какой они предпочтут.

Но теперь я запираю дверь и иду на задний двор, чтобы проверить, есть ли у Рэмбо вода и еда. Рэмбо сидит на веревке, которую мы привязали к сосне. Завидев меня, он бросается навстречу, виляя хвостом. Он не лает, потому что я приучила его этого не делать. Рэмбо— плоттхаунд, черный, с рыжими подпалинами, висячими хлопающими ушами и хвостом, похожим на кнут. Раньше я каждую осень брала его с собой на медвежью охоту с парочкой других охотников и их гончими, но две зимы назад пришлось дать Рэмбо отставку, после того как медведь вломился на наш двор и пес решил одолеть его в одиночку. Скажем так: собаку весом в сорок пять фунтов и пятисотфунтового медведя и рядом-то не поставишь, и не важно, что думает на этот счет сам пес. Большинство людей поначалу не

замечают, что у Рембо всего три ноги, но теперь, когда он уязвим на целых двадцать пять процентов, я не верну его на поле боя. А после того, как он от скуки погнался за оленем прошлой зимой, нам пришлось держать его на привязи. В таком месте, как наш город, собаку, виновную в том, что она погналась за оленем, могут пристрелить на месте.

— У нас есть печенки? — спрашивает меня Айрис из кухни.

Она терпеливо ждет за столом, выпрямив спину и скрестив руки, в то время как ее сестра ковыряется в мусоре на полу. Должно быть, учительница в восторге от Айрис. Это она еще не встретилась с Мэри. Уже не в первый раз я задумываюсь о том, как у одних и тех же родителей могли появиться на свет два настолько разных ребенка. Если Мэри— огонь, то Айрис— это вода. Ведомый, но не ведущий. Она тихий сверхчувствительный ребенок, который всегда предпочтет книжку беготне, любит своих вымышленных друзей так же сильно, как я когда-то любила своих, и малейший упрек тут же принимает близко к сердцу. Ненавижу себя за то, что заставила ее ненадолго испугаться. Айрис Великодушная, конечно же, уже простила меня и забыла обо всем, но не я. Я никогда ничего не забываю.

Иду в кладовку и беру пакет с печеньем с верхней полки. Не сомневаюсь, что в один

прекрасный день мой маленький викинг-налетчик попытается забраться и туда, но Айрис Послушная никогда даже не подумает об этом. Я кладу на тарелку четыре печенья, наливаю два стакана молока, а потом иду в ванную. Открываю кран, набираю полные ладони воды и умываюсь. Замечаю выражение своего лица в зеркале и осознаю, что мне нужно взять себя в руки. Как только Стивен вернется домой, я во всем признаюсь. А пока девочки не должны ничего заметить.

После того как они доедают печенье с молоком, я отправляю их в комнату, потому что мне нужно послушать новости, а я не хочу, чтобы они тоже их слышали. Мэри еще слишком маленькая, чтобы понять важность слов «побег из тюрьмы», «охота» и «вооружен и опасен», но Айрис вполне может. По Си-эн-эн показывают вертолет, скользящий над верхушками деревьев. Мы находимся так близко к зоне поиска, что если я выйду на улицу, то увижу этот вертолет. Внизу экрана бегут объявления полиции штата— они призывают жителей не выходить из дома. Показывают фотографии убитых охранников, пустого тюремного фургона и интервью с безутешными семьями. Недавнее фото моего отца. Тюремная жизнь была к нему немилосердна. А вот и две фотографии моей матери— юной девочки и

скуластой женщины. Мое фото, на котором мне двенадцать лет. Снимок нашей хижины. Никаких упоминаний о Хелене Пеллетье, но это вопрос времени.

Из коридора доносится топот ножек Айрис и Мэри, и я выключаю звук.

— Мы хотим поиграть на улице, — говорит Айрис.

— Улице, — эхом отзывается Мэри. — На!

Я понимаю. Держать их взаперти бессмысленно. Их игровая площадка окружена шестифутовым забором из плетеного железа, и из кухонного окна мне прекрасно виден весь двор. Стивен установил этот забор после случая с медведем.

«Дети внутри, звери снаружи», — с удовольствием констатировал он, когда работа была закончена, и вытер ладони о брюки, как будто сам вбил все шесты. Если бы обезопасить детей было так просто!..

— Хорошо, — говорю я. — Но недолго!

Открываю заднюю дверь и выпускаю их, а затем достаю коробку макарон с сыром из кухонного шкафчика, капусту и огурцы из холодильника.

Стивен час назад прислал эсэмэс и сообщил, что встреча затягивается, поэтому он перехватит чего-нибудь по пути, так что я готовлю макароны с

сыром для девочек и салат для себя. Я ужасно не люблю готовить. Вы, наверное, думаете, что это странно, учитывая, как я зарабатываю на жизнь, но человек может использовать только те ресурсы, которые имеет. Вся округа заросла черникой и земляникой, я и научилась варить из них желе и варенье. Вот и все. В нашем мире особенно не требуются навыки подледной рыбалки или умение свежевать бобров. Я бы даже сказала, что не просто не люблю, а ненавижу готовить, но тут же слышу в голове мягкий, увещающий голос отца: «Ненависть— слишком сильное слово, Хелена».

Я высыпаю лапшу из коробки в кастрюлю с кипящей соленой водой и подхожу к окну, чтобы проверить, как там девочки. Меня просто тошнит от всех этих Барби, маленьких пони и диснеевских принцесс, захлавивших игровую площадку. Как Айрис и Мэри разовьют в себе такие качества, как терпение и самоконтроль, если Стивен дает им все, чего они пожелают? В детстве у меня ничего похожего не было. Я сама делала себе игрушки. Хвощ, который я разрывала на части, а потом собирала заново в том же порядке, был такой же обучающей игрушкой, как те, в которых малышам нужно подбирать фигурки под соответствующие отверстия. А после обеда из побегов молодого рогоза в моем распоряжении оказывалась целая тарелка того, что, по словам мамы, выглядело как

пластиковые спицы. Но для меня это были мечи. Я втыкала их в песок на заднем дворе и строила форт, где у моих воинов-шишек (еловые против тсуговых⁷) состоялось немало эпичных сражений. Отсутствие материальных благ никогда не было для меня проблемой.

До того как мое лицо покинуло обложки журналов, продающихся в супермаркетах, люди часто спрашивали, что показалось мне самым чудесным, невероятным и удивительным после того, как я попала в цивилизацию. Как будто их мир был лучше моего. Или на самом деле был цивилизованным. Я с легкостью могу оспорить уместность данного слова в описании того мира, который открылся мне в возрасте двенадцати лет: войны, загрязнение окружающей среды, алчность, преступность, голодающие дети, расовая ненависть, межнациональные конфликты— и это только начало. Может быть, интернет? (Невразумительная штука.) Фастфуд? (Навязчивый вкус.) Самолеты? (Ради бога, в пятидесятых годах технологии уже были весьма развиты. Неужели люди в самом деле думали, что над нашей хижинкой никогда не летали самолеты? Или что мы считали их гигантскими

⁷ Тсуга— род хвойных вечнозеленых деревьев семейства сосновые. (*Примеч. ред.*)

серебряными птицами?) Путешествия в космос? (Признаю, с этой темой у меня все еще возникают проблемы. Тот факт, что двенадцать человек прогулялись по Луне, кажется мне невыносимым. И да, я видела снимки.)

Мне всегда хотелось поставить вопрос по-другому. Можете ли вы сказать, каковы различия между обычной травой, ситником и осокой? Знаете, какие из диких растений пригодны для пищи и как их готовить? Сумеете подстрелить оленя, попав прямо в малозаметное коричневое пятно на его плече, чтобы он упал, где стоял, и не пришлось бы гоняться за ним весь остаток дня? А соорудить силки для кролика? Освежевать и выпотрошить его после поимки? Получится у вас приготовить его на открытом огне так, чтобы мясо было сочным, а корочка — румяной и хрустящей? И, кстати об этом, вы сможете разжечь костер без спичек?

Я быстро учусь. И мне понадобилось много времени, чтобы понять: большинство людей серьезно недооценивают мои навыки. Положа руку на сердце, могу сказать: их мир все же богат разнообразнейшими и невероятными технологическими чудесами. Важное место в списке занимает водопровод. Даже сейчас, когда я мою посуду или набираю ванну для девочек, мне нравится держать руки под краном, хотя я стараюсь

не делать этого при Стивене. Немногие мужчины согласились бы жить с женщиной, которая может целую ночь провести в лесу, охотится на медведя или ест камыш. Не хочу усугублять.

Но вот правдивый ответ: самым потрясающим открытием, которое я сделала после того, как нас с мамой освободили, было электричество. Не представляю, как мы обходились без него все эти годы. Когда я смотрю на людей, которые как ни в чем не бывало заряжают свои планшеты и телефоны, поджаривают хлеб в тостере и готовят попкорн в микроволновке, смотрят телевизор и читают электронные книги глубокой ночью, я все еще изумляюсь. Никто из тех, кто вырос с электричеством, даже не задумывается о том, как прожить без него, если не считать тех редких случаев, когда оно выключается из-за грозы и приходится доставать фонарики и свечи.

Представьте, что электричества не существует. Нет никакой бытовой техники. Нет холодильников, стиральных машин и сушилок. Нет электроинструментов. Придется просыпаться, когда светает, и ложиться спать, когда стемнеет. Шестнадцатичасовые дни летом и восьмичасовые зимой. Будь у нас электричество, мы могли бы слушать музыку. Охлаждаться с помощью кондиционеров и согревать самые холодные углы наших комнат. Выкачивать воду из болота. Я с

легкостью прожила бы без телевизора или компьютера. Даже без мобильного телефона. Но если и есть вещь, по которой я скучала бы, лишившись ее сейчас, это электричество. Сдаюсь.

С игровой площадки доносится вопль, и я резко оглядываюсь. Я не всегда могу определить по крикам дочерей, есть ли повод для серьезного беспокойства. Серьезное подразумевает фонтаны крови, бьющие из конечностей девочек, или черного медведя, бродящего по ту сторону забора. А несерьезное может вызвать Айрис, которая бежит кругами и размахивает руками, да еще и орет так, словно проглотила крысиный яд, в то время как Мэри смеется и хлопает в ладоши с криком: «Пчелка! Пчелка!»

Это еще одно слово, с которым у нее нет проблем.

Я знаю. Трудно поверить, что женщина, выросшая среди дикой природы, произвела на свет дочь, которая боится насекомых, но так и есть. Я давно отбросила попытки вытащить Айрис за город. Она только и делает, что жалуется на мошкарку, грязь и запахи. С Мэри мне проще. Родитель не должен иметь любимчиков среди детей, но иногда это сложно.

Я стою у окна до тех пор, пока пчела не улетает в более мирное воздушное пространство, а девочки не успокаиваются. Неожиданно

представляю себе, как их дедушка смотрит на них из зарослей, и мое сердце замирает от страха. Одна девочка светлая, другая темная. Я знаю, какую он выберет.

Я открываю окно и зову девочек внутрь.

3

После того как с тарелок пропадают последние крошки, я купаю Мэри и Айрис и укладываю спать, несмотря на их протесты. Мы все понимаем, что еще слишком рано. И они наверняка будут еще целый час хихикать и шептаться, прежде чем уснут, но пока они находятся в своей комнате, лежат в кроватях и не выходят в гостиную, я не против.

Я возвращаюсь в гостиную как раз к началу шестичасовых новостей. С момента побега отца прошло уже два часа, и до сих пор нет никаких сообщений о том, что его кто-то видел. В общем-то, это не очень меня удивляет. Я до сих пор не верю, что он прячется в заповеднике. Те же особенности этой местности, которые так затрудняют поиски, затрудняют и бегство. А мой отец никогда и ничего не делает просто так. В том, что он совершил побег именно там, должен быть смысл. Мне нужно только понять, в чем он заключается.

Перед тем как дом дедушки и бабушки снесли, я часто бродила по комнатам в поисках следов отца. Я хотела понять, как человек мог превратиться из невинного ребенка в похитителя детей. В судебных записях я нашла не очень много информации: мой дедушка Холбрук был чистокровным оджибве⁸ и получил «белое имя», когда его еще совсем ребенком отослали в индейскую школу-интернат. Предками моей бабушки были финны, жившие в северо-западной части Верхнего полуострова и работавшие на медных рудниках. Дедушка и бабушка познакомились и поженились, когда им обоим было уже далеко за тридцать, а спустя пять лет появился на свет мой отец. Адвокат описывал родителей моего отца как старых и замшелых перфекционистов, которые были не в состоянии приспособиться к потребностям непоседливого ребенка и наказывали его за малейшую провинность. Я нашла в сарае кедровую палку с гладкой ручкой, предназначенную для порки, так что эти слова— правда. В тайнике под досками пола в спальне отца я обнаружила обувную коробку

⁸ Оджибве, иначе сото или чиппева— индейский народ алгонкинской языковой семьи. Расселен в резервациях в США, в том числе в штате Мичиган. (*Примеч. ред.*)

с парой наручников, клубком светлых волос, которые он, надо полагать, вытащил из материнской расчески, помадой и парой белых хлопковых трусов, тоже наверняка принадлежавших ей. Представляю, что бы сделало обвинение, если бы им в руки попало все это.

В других записях подробностей немного. Родители выгнали отца из дома после того, как он в десятом классе бросил школу. Первое время он работал на лесопилке, а затем пошел в армию, откуда через год с небольшим был с позором изгнан, потому что не мог найти общий язык с солдатами и не слушал командиров. Адвокат утверждал, что в этом не было его вины. Будучи талантливым юношей, он вел себя так вызывающе, потому что стремился найти любовь и признание, которых ему не дали собственные родители. А я вот в этом не уверена. С точки зрения выживания в дикой местности отец был мудрым и рассудительным, но, честно говоря, я не могу припомнить, чтобы он хоть однажды читал журнал «Нэшнл географик». Иногда я даже задумывалась, умеет ли он читать. Он и картинки-то не разглядывал.

Ничто из найденного не напоминало мне об отце, которого я знала, пока мне не попался на глаза мешок с рыболовным снаряжением, свисающий с крюка в подвале. Отец часто рассказывал о том, как

в детстве ловил рыбу на Фокс-ривер. Он знал все лучшие места для рыбалки. Однажды он даже был проводником съемочной группы «Природа Мичигана»⁹. После того как я нашла этот рыболовный набор, я много раз ходила с ним на Фокс-ривер и ее восточные притоки. Удочка у отца была хорошая. С поплавком весом в четыре или пять, а иногда и шесть граммов я чувствовала себя настоящей богиней рыбалки на быстром течении и всегда возвращалась домой с полной вершей. Не знаю, настолько ли хорошо я умею ловить форель, как отец, но мне хочется так думать.

Я вспоминаю отцовские истории о рыбалке, а новостной блок все повторяется и повторяется. Если бы я убила двух человек и сбежала из тюрьмы, зная при этом, что мой побег положит начало самой большой погоне в истории штата Мичиган, то точно не стала бы слепо метаться по болотам. Я бы отправилась в одно из тех немногих мест на земле, где была счастлива.

Без четверти десять. Я сижу на веранде, жду Стивена и убиваю комаров. Не представляю, как он отреагирует на новость о том, что сбежавший заключенный— это мой отец, но уверена, что приятной его реакция точно не будет. Мой

⁹ Телевизионная передача о дикой природе штата Мичиган.

тихоня-фотограф редко теряет самообладание, и это одно из тех качеств, которые привлекли меня в нем с самого начала, но у всех есть свой предел.

Рэмбо лежит на дощатом крыльце рядом со мной. Чтобы заполучить его, восемь лет назад я отправилась к семье заводчиков породы плоттхаунд, жившей в Северной Каролине. Он тогда был еще щенком. Это случилось задолго до того, как появились Стивен и девочки. И он определенно пес одного хозяина. Нет, конечно, Рэмбо станет защищать Стивена или девочек, если придется. Плоттхаунды совершенно бесстрашные— настолько, что поклонники этой породы даже называют их «ниндзя в мире собак» и считают их самыми сильными собаками в мире. Но, если дело дойдет до реальной опасности и вся моя семья окажется в беде, Рэмбо в первую очередь кинется спасти именно меня. Люди, романтизирующие животных, назвали бы это любовью, или верностью, или преданностью, но дело в том, что такова его природа. Плоттхаунды рождены для того, чтобы оставаться в игре лишь на определенное время и пожертвовать собой в битве, а не бежать от нее. И он ничего не может с этим поделать.

Рэмбо настороженно ворчит и вскидывает уши. Я поднимаю голову. Я могу различить пение сверчков и цикад, шепот ветра в кронах сосен и

какое-то шуршание в хвое на земле (скорее всего, это возится мышь или землеройка), характерное уханье неясности, доносящееся с лужайки, лежащей между нашим домом и соседним, возню и крики пары квакв, угнездившихся в болоте позади нашего дома, шум машины, пронесшейся мимо нашего дома по шоссе, но для его собачьего супернюха вся ночь богато расцвечена запахами и звуками. Он сдавленно скулит и скребет передними лапами, но не встает. И не будет, пока я ему не скажу. Я учила его слушаться не только устных команд, но и жестов. Кладу ладонь ему на голову, и он снова опускает ее на мое колено. Не все, что бродит в темноте, нужно выследить и загнать.

Конечно, я все еще думаю об отце. То, что он сделал с матерью, — неправильно. Но убийство двух охранников ради побега из тюрьмы — непростительно. Однако какая-то часть меня, крошечная, не больше крупинки пыльцы с единственного цветка на единственном стебельке болотной травы, та малюсенькая часть, которая навсегда останется пятилетней девочкой с двумя косичками, боготворившей отца, радовалась, что папа снова на свободе. Он провел в тюрьме тринадцать лет. Ему было тридцать пять, когда он похитил маму, сорок девять, когда покинул свое болото, пятьдесят один, когда его поймали и осудили два года спустя. В этом ноябре ему

исполнится шестьдесят шесть. В Мичигане нет смертной казни, но когда я думаю о том, что отец снова окажется в тюрьме на ближайшие десять, двенадцать или даже тридцать лет и проживет при этом так долго, как его собственный отец, то мне кажется, что лучше бы его казнили.

После того как мы покинули болото, все ожидали, что я возненавижу отца за то, что он сделал с мамой. И я ненавидела. И сейчас ненавижу. Но, кроме того, мне было очень его жаль. Он всего лишь хотел иметь жену. Однако ни одна женщина в здравом уме не согласилась бы жить с ним на той ферме. Если посмотреть на ситуацию с этой точки зрения— что еще ему оставалось делать? Отец был психически больным и отчаянно ущербным человеком, корни которого настолько глубоко ушли в индейскую глушь, что он просто не смог бы устоять перед соблазном похитить мою маму, даже если бы захотел. Психиатры, как со стороны защиты, так и со стороны обвинения, сошлись в диагнозе: антисоциальное расстройство личности. Хотя адвокат пытался смягчить приговор и утверждал, что болезнь стала следствием черепно-мозговой травмы, которую он получил в детстве после многократных ударов по голове.

Но я была ребенком. И любила своего папу. Джейкоб Холбрук, которого я знала, был умным,

веселым, терпеливым и добрым человеком. Он заботился обо мне, одевал, кормил, учил всему, что могло помочь мне не только выживать на болоте, но и процветать. Кроме того, речь идет о событиях, в результате которых я появилась на свет, так что разве честно будет говорить, что я о них жалею?

В последний раз я видела отца, когда он, шаркая, вошел в зал суда округа Маркетт в наручниках и кандалах на лодыжках, чтобы вскоре оказаться за решеткой с тысячей других мужчин. Я не присутствовала на рассмотрении его дела. Мои показания были признаны ненадежными в силу моего юного возраста и воспитания, а кроме того, ненужными, потому что моя мать предоставила обвинению доказательства, которых хватило бы, чтобы упечь моего отца за решетку на дюжину пожизненных сроков. Но родители моей матери все же привезли меня из Ньюберри в тот день, когда папа был осужден. Думаю, они надеялись, что, увидев, как он получает по заслугам за то, что сделал с их дочерью, я возненавижу его так же сильно, как они. В тот же день я впервые встретила своих дедушку и бабушку по отцовской линии. Представьте себе мое удивление, когда я узнала, что мать человека, которого я всегда считала чистокровным оджибве, была белокожей блондинкой.

С того дня я проезжала мимо тюрьмы округа Маркетт по меньшей мере раз сто. Каждый раз, когда возила Мэри к специалисту, или обеих девочек по магазинам, или когда мы выбирались в город, чтобы посмотреть фильм в кинотеатре. Самую тюрьму не разглядишь со стороны шоссе. Все, что видят прохожие, — это извилистая дорога, обрамленная старой каменной оградкой. Она похожа на въезд в старинное поместье и вьется между деревьями в сторону скалистого откоса, с которого открывается широкий вид на залив. Здания из песчаника, принадлежащие государству, находятся в реестре исторических памятников и датируются тысяча восемьсот восемьдесят девятым годом, когда была открыта местная тюрьма. Максимально охраняемое крыло, где содержался мой отец, состоит из шести этажей, в нем пять одиночных камер. Оно окружено двадцатифутовой каменной стеной и трехметровой изгородью из колючей проволоки. Периметр контролируют восемь башен, откуда легко вести огонь. Пять из них снабжены камерами, позволяющими следить за передвижениями внутри жилых блоков. Во всяком случае, так описывает это место Википедия. Внутри я никогда не бывала. Однажды я осмотрела тюрьму с помощью карт «Гугла», но тогда во дворе не было заключенных.